

УДК 159.9.01

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДЕТЕРМИНИЗМА В ПСИХОЛОГИИ:
ПАМЯТИ А.А. БРУДНОГО ПОСВЯЩАЕТСЯ

А.А. Адькулов

Излагаются некоторые положения статьи А.А. Брудного, связанные с методологическими вопросами детерминизма в психологии.

Ключевые слова: сознание; бессознательное; детерминизм.

SOME QUESTIONS OF THE DETERMINISM IN PSYCHOLOGY:
IT IS DEVOTED TO A.A. BRUDNY'S MEMORY

A.A. Adykulov

The article outlines the some provisions of A.A. Brudny's article related to methodological issues of the determinism in psychology.

Keywords: consciousness; unconscious; determinism.

Достижения психологии в советский период неоспоримы и имеют научную теоретическую и методологическую основу для дальнейшего развития науки. Сегодня необходим анализ состояния развития психологии, как в российской науке, так и в таких странах постсоветского пространства, каким является Кыргызстан. Это представляет не только исторический интерес, но и составляет ценность для понимания методологии самой науки психологии.

Роль А.А. Брудного, его вклад в развитие психологической науки неоспоримы и требуют отдельной работы. Цель данной статьи рассмотреть некоторые положения статьи А.А. Брудного “Бессознательные компоненты процесса понимания”, вышедшей в 1978 г. в Тбилиси в четырехтомнике “Бессознательное” [1]. В данной статье А.А. Брудный показал, что за осознаваемым пониманием встает смысловое восприятие, которое зависит от факторов, выходящих за пределы сознания (“эффект Кулешова”, установка, эталон “наиболее вероятного”) [1, с. 100–101].

А.А. Брудный считает, что обращение к ассоциации как к некоторой “клеточке”, элементарной единице мышления, оказалось продуктивным лишь на определенном, чаще всего начальном этапе исследования, но затем возникали растущие трудности, ибо более сложные процессы упорно не складывались из этих элементарных единиц;

в то же время попытки заменить ассоциацию принципиально иной единицей не привели к особенно успешным результатам [1, с. 100]. Поиск единиц психики являлось и до сих пор является важной методологической задачей.

Известно, что открытие бессознательного, которое более ста лет назад произошло за рубежом, было новым в развитии психологии, так как в психике обнаружился целый пласт, который не должен был отождествляться с сознанием, но входил в структуру психики. Вопрос был в другом: советские психологические школы, оказавшиеся под идеологическим прессом и партийными решениями и постановлениями, даже при желании не могли принять это открытие. Понимание и осмысление значения открытия сферы бессознательного происходит в научной психологии до сих пор.

В тот исторический период психология рассматривалась (да и в целом психика человека) как психология сознания. Ограничение психики только лишь сознанием имело свои последствия, ведущие к кризису психологии. Наиболее полно проблема кризиса в психологии с точки зрения методологии была осмыслена Л.С. Выготским в работе “Исторический смысл психологического кризиса”. Л.С. Выготский в тезисной форме описал признаки психологического кризиса:

- отсутствие общепризнанной системы науки. Каждое изложение психологии у виднейших

авторов построено по совершенно иной системе. Все основные понятия и категории толкуются по-разному. Кризис касается самых основ науки;

- кризис разрушителен, но благотворен: в нем скрывается рост науки, обогащение ее, сила, а не бессилие или банкротство. Серьезность кризиса вызвана промежуточностью ее территории между социологией и биологией, между которыми Кант хотел разделить психологию;
- никакая психологическая работа невозможна без установления основных принципов этой науки. Прежде чем приступить к постройке, надо заложить фундамент;
- наконец, общая задача – выработка новой теории – “обновленной системы науки” [2, с. 291–436].

Так, по мнению Т.В. Корниловой и С.Д. Смирнова, “психология сознания” стала первой парадигмой зарождающейся психологии. Главным методологическим недостатком психологии сознания являлась установка на понимание законов, регулирующих работу сознания, как внутренне присущих самому сознанию, а не порождаемых в процессе взаимодействия человека с миром [3].

Разрушение единой методологической основы и формирование множества разных психологий выступило основанием заключения о кризисе в психологии. Стало понятным то, что закрытость развития некоторых психологических школ как системы привело к ограничению понятия “психика” и отождествление ее с понятием “сознание”, оставляя без внимания другую ее часть – бессознательное.

Роль и значение методологии становится особенно актуальной в кризисное время развития науки, когда действующие ранее подходы и принципы не отвечают требованиям или новым открытиям, а инструменты, в виде новых теорий, концепций, находятся на стадии разработки и не являются достаточно общепризнанными. Многие теории развивались, используя разные методологические подходы, методы получения эмпирических данных. Это являлось и является еще одним серьезным фактором кризиса психологии. Как считают исследователи, теоретико-эмпирическая область занятий психологией, которая первоначально могла быть охвачена едиными рамками психологии сознания, в начале XX в. уже перестала быть единой, и различия стали носить именно методологический характер – различия в понимании предмета психологии и несовпадение научного познания и непосредственного восприятия – другой аспект кризиса. К примеру, идеалистическая психология пытается изучать сознание прямыми методами;

гештальтпсихология, теряя специфическое содержание психического (законы гештальта общи и для живой, и для неживой природы), также не может претендовать на роль общепсихологической концепции [3].

Т.В. Корнилова и С.Д. Смирнов считают, что отождествление психики с сознанием породило в развитии психологических новых течений и направлений: бихевиоризм – Дж. Уотсон, Б.Ф. Skinner; понимание психики как средства приспособления организма к среде – поведенческая парадигма в российской науке начала XX в.; попытка изменить объект исследования, поставив бессознательное на место сознания – психоанализ; сужение методических приемов только в рамках “стимульно-реактивной” парадигмы – гештальтпсихология; использование эксперимента в целях изучения мотивации и целевой регуляции поведения человека – школа К. Левина; попытка преодоления механистических установок психологии сознания – французская психологическая школа и культурно-историческая психология; разработка конкретных путей перехода от социально-культурных форм существования психического к индивидуальной психике конкретного человека, система детерминант в структуре и динамике человеческой деятельности – психологическая теория деятельности; типы исследовательских ситуаций описательным термином “эксперимент как психологический театр” в 70-е гг. XX в. – польская психология; сочетание теоретических гипотез и возможностей демонстрации объяснительного принципа “квазипотребности” в ситуациях поля – экспериментирование в школе Левина; изучение функционирования психики с помощью методов количественного анализа, в частности методов теории информации – когнитивная психология с ее компьютерной метафорой; реализация гуманистической парадигмы в построении психологического знания – гуманистическая психология [3].

Т.В. Корнилова и С.Д. Смирнов отмечают особый вклад в разработку понимания детерминации разных направлений: античной философии (Демокрит, Аристотель, Сократ, Протагор); телеологизм (Августин); механистический детерминизм, в классических картинах мира понятием лапласовского детерминизма; А. Кетле, утвердивший возможность эмпирического исследования и точного математического анализа закономерностей в поведении людей. Кетле распространил принцип статистического закона на умственные способности.

С кризисом были связаны и другие виды детерминизма: биологический детерминизм – распространение исследования изменчивости и статистические методы на изучение биометрики

и наследственности (Ф. Гальтон и К. Пирсон и др); концепция свободы воли французского интуитивиста А. Бергсона; представлений о вероятности и случае (А.О. Курно); целесообразность как принцип рациональности дополнил классическую картину мира (дарвинизм); обнаружение в больших совокупностях сложных объектов закономерного действия регулярных причин (Р. Карнап); концепции научения в опытах с животными – “проблемные ящики” (Э. Торндайк). Как отдельную линию в развитии биологического детерминизма концепция функциональных систем и понятие акцептора действия (П.К. Анохин). Физиология активности Н.А. Бернштейна, уровневые представления о регуляции движений и действий связывалась с понятием двигательной задачи, и понятие образа потребного будущего было включено в психологическую регуляцию, а не только в психофизиологическую. Разрабатываются положения о том, что мозговые механизмы могут рассматриваться как продукт “развития самой предметной деятельности” (А.Н. Леонтьев). Считается, что сегодня психофизиологический редукционизм принял новые формы; этому способствовали существенные сдвиги в раскрытии “механизмов сознания” в схемах обобщений “нейрон – модель – теория”, т. е. минуя уровень собственно психологических явлений [3].

Возникновение представлений о психологической причинности. Психическое (образ) не включалось в причинные условия действия тела (как автомата). Причина полагалась вовне – в раздражителе. Как считают авторы, с XVII по XIX вв. классическая наука проделала большой путь в изменении понимания принципа детерминизма, что активно использовалось первыми психологическими концепциями, начиная с выделения психологической проблематики в исследованиях Дж. Локка и Х. Вульфа, мыслящих изначально психологию в рамках философского знания. Позже с развитием экспериментального метода в психологии, позволившего завершить выделение психологии в самостоятельную науку, научным сообществом, – считают авторы Т.В. Корнилова и С.Д. Смирнов, – было принято другое понимание причинности, или каузальности, опирающееся на понятие действующей причины (воздействия). Формирование научно-категориального аппарата также являлось истоком формирования психологии как отдельной области научных знаний. И критерии научности в психологии изменялись в связи с динамикой подходов к пониманию принципа причинности.

В науке Нового времени сложилось иное понимание причинности. Это идея действующей причины, которая и была воспринята в схемах реализации экспериментального метода.

Каузальность в классической и неклассических парадигмах. Т.В. Корнилова и С.Д. Смирнов считают, что классическая картина мира первоначально базировалась на законах механики в понимании детерминизма. Но одновременно она полагалась и на экспериментальную парадигму в развитии научного знания, которая стала общей для ряда естественных наук и означала к окончанию Нового времени уже иное – принятие определенной логики проверки теоретических гипотез на пути, который был выработан в противовес индуктивному методу. В отличие от методологии позитивизма, методология экспериментирования с позиций критического реализма предполагала основное звено теоретических реконструкций и опору на понимание закона в картине мира [3].

Три основные условия причинного (каузального) вывода, – считают авторы, – были восприняты психологией вместе с включением экспериментального метода в качестве средства наиболее строгого способа проверки теоретических гипотез. Эти условия означали определенную взаимосвязь логики вывода и организации предметно-чувственной деятельности исследователя. Она стала называться позже экспериментальной парадигмой, поскольку классическое понимание причинности прямо соотносило разработку теоретических законов описания мира с экспериментальным методом проверки научных гипотез. Гипотетико-дедуктивный метод направлял получение эмпирических данных с целью проверки теоретических утверждений, предполагая три условия, которые выполнялись таким исследованием [3]:

- причина предшествует во времени следствию. Последующие выводы об имплицативном отношении, выражаемые в высказываниях типа “Если... то...”, обеспечиваются управлением причинно действующего фактора, или экспериментального воздействия;
- существует ковариация (не случайная связь) между изменениями причинно действующей переменной (называемой также независимой) и следствием, или изменениями фиксируемой зависимой переменной;
- отсутствуют конкурирующие гипотезы, т. е. проверяемой теоретической гипотезе как объясняющей устанавливаемую эмпирическую закономерность не могут быть противопоставлены столь же сильные объяснения, исходящие из другой теории или анализа другого круга переменных (как воздействующих факторов). Изменение понимания причинности в науке о микромире означало не только отказ от понимания физикалистской причинности в том его виде, как оно сложилось в истории естествознания

и было принято в схеме естественно-научного эксперимента. Оно изменило понимание закономерности. Физический закон служил дедуктивной логике объяснения в рамках детерминистского понимания “природных” явлений, включая принципы непосредственной передачи и прерывистости в причинном обусловливании. Это были принципы, отражающие классический идеал рациональности в познании. И как отметил А.Г. Асмолов, этот идеал стал тем “троянским конем”, которого дали психологии классическая философия и физика [4; 5].

Физический материальный мир детерминирован. Возникал вопрос, детерминировано ли все живое физическим миром. Здесь возникает вопрос в целом, всегда ли все живое детерминировано внешними воздействиями, может ли психологическое исследование ответить на самый главный вопрос, связанный с идентичностью личности “Кто Я? Что есть сознание? Что есть “Бессознательное”?” Психология может связывать вопрос смысла жизни и смерти с проблемой идентичности личности. Однако здесь “несчастное сознание” (Гегель) заходит в тупик, и здесь начинаются вопросы и философии, и психологии. Как считают Т.В. Корнилова и С.Д. Смирнов, произошло формирование новых подходов к пониманию причинности в естествознании, понимаемое как изменение физикалистской причинности, что было связано не просто с проникновением статистических описаний в картину микромира, но и с кардинальным изменением понимания детерминации как причинно-следственной.

И. Пригожин и И. Стенгерс утверждают, что не акт наблюдения, а состояние хаоса опосредствует наш доступ к природе: события являются следствием неустойчивости хаоса, внешние условия (например, экспериментальные) сдвигают равновесие в неустойчивой системе таким образом, что из всех потенциальных возможностей реализуется только одна. Сценарий дальнейшего развития системы не может быть вычислен заранее, более того, эволюцию системы можно описывать только в таком пространстве, которое зависит от ее динамики, т. е. это пространство, или ландшафт будущих событий, также образуется в точке неопределенности. Тем самым, – по мнению авторов, – разрушается основной принцип экспериментального размышления как гипотетико-дедуктивного вывода, когда в основу конструируемой экспериментальной модели кладется некоторая теоретическая гипотеза, полагаемая в рамках действия закона [6].

Как показывает системный взгляд на детерминацию психики и поведения человека, она может быть выражена следующими положениями [7]:

- возможность возникновения и существования любого психического явления определяется

различными обстоятельствами (детерминантами), которые могут выполнять функции причины, следствия, внешних и внутренних факторов, условий, предпосылок и опосредствующих звеньев;

- указанные типы детерминант взаимосвязаны, образуют систему (на примере психики, которая выступает как система, а ее составляющими являются бессознательное и сознание-курсив автора);
- соотношение между детерминантами подвижно; то, что в одних случаях является предпосылкой, в других может оказаться причиной, фактором или опосредствующим звеном; конкретный состав и структура системной детерминации зависят от текущих обстоятельств жизни человека;
- движение или смена детерминант носят закономерный характер и являются необходимым условием развития субъекта (его психики, поведения);
- включаясь в систему объективных связей и отношений действительности, то или иное психическое явление (форма активности субъекта) само выступает в роли важнейшей детерминанты жизненных процессов – как природные, так и социальные.

Идея тотального детерминизма исчезает: развитие в естественных, живых системах происходит по-другому, нежели в механистических, искусственных и неживых системах. В нематериальных, живых системах, в том числе, в развитии личности и психики человека, принцип детерминизма действует не всегда однозначно.

Таким образом, статья А.А. Брудного выходила за пределы исследований сознания и указывала, что есть огромная область психических процессов – бессознательное, вообще недоступных сознательной рефлексии. Это было революционным шагом. Статья А.А. Брудного явилась, своего рода, первой ласточкой в исследовании области бессознательной сферы и развитии психологической науки в Кыргызстане.

Литература

1. Брудный А.А. Бессознательные компоненты процесса понимания / А.А. Брудный // Бессознательное. Т. 3. Тбилиси: Мецниереба, 1978. С. 98–102.
2. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч. Т. 1 / Л.С. Выготский. М.: Педагогика, 1982.
3. Корнилова Т.В. Методологические основы психологии / Т.В. Корнилова, С.Д. Смирнов. СПб.: Питер, 2006.

4. *Асмолов А.Г.* Психология личности: принципы общепсихологического анализа / А.Г. Асмолов. М.: Смысл; Академия, 2002.
5. *Асмолов А.Г.* По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии / А.Г. Асмолов. М.: Смысл, 2002.
6. *Пригожин И.* Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. М., 2001. С. 6–31, 275–276.
7. *Барабанщиков В.А.* Системная организация и развитие психики. К 30-летию Института психологии РАН / В.А. Барабанщиков // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 1. С. 29–46.